

Теперь я наконец поняла, что имела в виду матушка, когда, назначая Чжэн Бо, сказала: «Дело это важное, обдумай всё как следует». Подумав, я вычеркнула сына госпожи Ян и двух дальних родственников со стороны деда и бабушки, а всю подготовку к экзаменам поручила Чжэн Бо. Так от моих рекомендаций осталось лишь два человека, а остальные заботы я свалила на него. В конце концов, у него много опытных помощников и поддержка клана Чжэн — несомненно, он разбирается лучше меня, «невежественной женщины». Чжэн Бо обрадовался, что я передала ему дело, и теперь целыми днями пропадал у старшего брата, не утруждая себя разговорами со мной.

В середине второго месяца матушка уже провела обряд стрельбы из лука перед роднёй, поэтому большую церемонию третьего числа третьего месяца она возглавила по праву. На сей раз она держалась скромно: её наряд и украшения были даже проще, чем положено вдовствующей императрице. Во время обряда она символически уступила центральное место покойному императору, сама же стояла справа. Однако, когда чиновники склонились в поклоне и возгласили «Десять тысяч лет!», она без тени смущения приняла эти почести от имени усопшего императора и Ли Даня. Мне, как женщине, не было дела до государственного обряда, поэтому интерес мой на том и закончился. Гораздо больше волновал внеочередной экзамен.

К счастью, я не ломала голову над отбором кандидатов. Незадолго до объявления результатов матушка неожиданно ограничила число успешных соискателей пятьюдесятью. А сдававших было всего около сотни — значит, прошла почти половина. Все, кто искал протекции, оказались среди счастливиц, да и бедные студенты без связей ликовали. Более того, тем, кто сдал, но не получил должности, присвоили звания вроде «Ши» или «Гэшичжун». Так что Чжэн Бо зря старался, взвешивая кандидатов.

При таком количестве вакансий Ушэнжэнь, конечно же, успешно выдержал экзамен на знание законов. Я слегка похлопотала за него, и его перевели обратно в столицу, определив в Ведомство чинов. Затем, ссылаясь на заботу об А-Хуань, купила ему в городе небольшой дом — всего три комнаты. Место тесное, зато близко и к департаменту, и ко мне. Ещё подарила пятьдесят му земли средней качества. В те времена на взрослого мужчину в семье выделяли двадцать-тридцать му, так что для чиновника его ранга пятьдесят му — лишь скромное подспорье. Он принял дар без стеснения, я же не привлекла лишнего внимания — вышло удобно для обоих.

Весной, помимо экзаменов и обряда стрельбы, ничего примечательного не случилось. Желая снискать расположение, матушка щедро награждала сановников и родню, продвигала многих выходцев из простых семей — особенно тех, кого рекомендовали представители клана У. С прошлого года несколько чиновников пятого и шестого рангов подверглись разбирательствам. Среди родственников тоже наказали многих из дальних ветвей, что злоупотребляли положением, — лишали титулов, должностей, били палками, ссылали. Пока что ни один дом не был уничтожен полностью. Но с наступлением лета стали поступать донесения о куда более серьёзных преступлениях, и под подозрение попали уже близкие родственники императорской фамилии. Слухи, словно знойный воздух, проникали в каждый дом. Даже во дворце атмосфера становилась тяжёлой, повсюду витала тревога, хотя внешне всё оставалось благопристойным. Между канцлерами, императорским родом и родичами императрицы царили мир да согласие — точь-в-точь как в детсадовской тихий час под присмотром воспитательниц.

В самый разгар зноя кто-то не выдержал первым. Шиюши Чжоу Син подал доклад, обвиняя цивана Ли Мина в заговоре.

Летний дождь всегда приходит внезапно и так же быстро уходит. Тучи надвигаются грозно,

словно небесная кара, а после ухода оставляют лишь чистоту и свежесть. Если бы не скользкий мох под ногами да капли, что, словно бусы, катятся с карнизов и бамбука, можно было бы подумать, будто ливня и не было.

Цуй Мин-дэ в деревянных сандалиях спустилась по ступеням и замерла на последней, наклонившись раздвинуть кусты, чтобы взглянуть на орхидеи внизу.

Эти летние цветы лишь недавно распустились, а теперь, после дождя, семь из десяти лепестков уже опали. Оставшиеся безвольно поникли, прижавшись к земле вместе с тонкими листьями. Но стоило Цуй Мин-дэ поправить стебли и стряхнуть воду, как орхидеи встрепенулись: листья выпрямились, а цветы вновь выглядели свежо, будто только распустились.

Глядя на них, Цуй Мин-дэ чуть тронула губами уголки губ — улыбка была едва уловимой. Она от природы сдержанна, и даже улыбаясь, казалась серьёзной. Но Сюну, выросшая с ней, уловила её настроение и спросила:

— Дождь кончился. Прикажешь привести в порядок сад?

Цуй Мин-дэ кивнула. Она прошла по саду в своих деревянных сандалиях, убедившись, что растения почти не пострадали. Услышав после дождя перезвон деревянных колокольчиков, она ещё больше обрадовалась и велела принести цинь. Но едва коснулась струн, как у входа доложили:

— Пришла Дугу Шао.

Цуй Мин-дэ хотела было отказать, но, вспомнив о ливне, взглянула на Сюну. Та подошла к воротам, заглянула и, вернувшись, прошептала:

— С зонтом. Но вся промокла.

Цуй Мин-дэ нахмурилась.

— Пусть войдёт.

Вскоре служанка ввела Дугу Шао. Стояла жара, но та всё ещё была в латах, поверх которых набросила лёгкий плащ. Алый плащ промок насквозь. Одной рукой она придерживала меч, другой — зонт. Войдя, отдала зонт служанке и, шлёпая по грязи, поднялась на веранду. Скинула плащ, затем кожаные сапоги — те были полны воды. Носки, некогда белые, стали грязно-жёлтыми. Увидев их, Дугу Шао смутилась и принялась стаскивать, но вдруг замерла. Цуй Мин-дэ, поняв её колебания, ушла внутрь и вернулась с парой своих носков, бросив их рядом.

— Иди переодейся.

Дугу Шао просияла, быстро сменила носки и, натягивая чулки Цуй Мин-дэ, беззаботно улыбнулась:

— Не хотела беспокоить, честно. Но вымокла до нитки, а сменки с собой нет. Явиться перед императрицей в таком виде — непочтительно. А во дворце Шанъян, кроме тебя, мне идти некуда...

Войдя в комнату, она вдруг остановилась: хоть обувь и сняла, с края лат ещё капало, оставляя на полу мокрые следы.

Цуй Мин-дэ вздохнула.

— Разве в караульне у гвардии Цзинью нет сменной одежды?

Приказала принести платье и бросила его перед Дугу Шао. Та, хоть они и давно не виделись, принялась раздеваться прямо при ней. Цуй Мин-дэ от неожиданности вздрогнула и нахмурилась.

— Переодевайся внутри!

Дугу Шао, словно опомнившись, схватила одежду и скрылась в соседней комнате. Под кожаными штанами она носила грубые холщовые шаровары. Цуй Мин-дэ невольно шагнула ближе, присмотрелась и нахмурилась ещё сильнее.

— У тебя дни?

Дугу Шао взглянула вниз и усмехнулась.

— Пятый. Ничего страшного.

Скинув одежду, она обнажила тело, покрытое шрамами. Цуй Мин-дэ взгляд отвести не могла — резало глаза. Она сделала ещё шаг, указала на свежий шрам на руке, хотела спросить, но сдержалась. Отвернувшись, наклонилась и стала собирать мокрую одежду. Помолчав, наконец сказала:

— Если трудно, можешь, как мы, попросить у вдовствующей императрицы комнату во дворце. Будешь отдыхать здесь во время дежурств, оставишь сменную одежду, служанки помогут. Ты хоть и служишь в гвардии Цзинью, но всё же личная гвардейца императрицы, да и женщина. Жить во дворце тебе не возбраняется.

Дугу Шао покачала головой.

— Дело не в том. Но в отряде Всадниц Мулан половина — женщины, и все терпят. Если я одна буду неженкой, что они подумают? Да и если все мы поселимся во дворце, как на это посмотрят гвардейцы Цзинью? В армии живут по уставу, без исключений.

Цуй Мин-дэ пристально смотрела на неё. Эта девушка, когда-то белокожая, теперь загорела до тёмно-коричневого оттенка. Раньше они много бывали на солнце, но та быстро отбеливалась, особенно Дугу Шао. Однако с прошлого октября её кожа так и не посветлела. Шрамов прибавилось — уже не детские царапины от игр, а следы от настоящего оружия. Тело стало грубее, ладони и ступни покрылись мозолями — не от циня или каллиграфии, а от постоянной тренировки с копьём и алебардой, от ветра и непогоды.

<http://bllate.org/book/16278/1467271>